

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Чему надлежит быть вскоре... ..	11
Глава 2. Ты живешь там, где престол сатаны.....	26
Глава 3. Се, стою у двери и стучу... ..	50
Глава 4. И вот, дверь отверста на небе... ..	71
Глава 5. Кто достоин раскрыть сию книгу?	85
Глава 6 . Иди и смотри	102
Глава 7. Доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего... ..	121
Глава 8. Сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса... ..	140
Глава 9. Умерла третья часть людей... ..	160
Глава 10. Тебе надлежит опять пророчествовать.....	180
Глава 11. И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать.....	198
Глава 12. И произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона.....	218

Глава 13. Число его шестьсот шестьдесят шесть	239
Глава 14. Пал, пал Вавилон, город великий.....	266
Глава 15. И увидел я иное знамение на небе.....	285
Глава 16. Армагеддон.....	295
Глава 17. Суд над великою блудницею	315
Глава 18. Горе, горе тебе, великий город!.....	334
Глава 19. И схвачен был зверь и с ним лжепророк	347
Глава 20. И судимы были мертвые по написанному в книгах	367
Глава 21. И увидел я новое небо и новую землю.....	382
Глава 22. Ей, гряди, Господи Иисусе!	402

Предисловие

Апостол Иоанн Богослов — один из самых глубоких и таинственных людей в истории мира. Рядом с ним можно поставить только до сих пор не выдавших смерти Еноха с Ильей и Моисея. Иоанн — созерцатель. Его умному взгляду открыто то, чего другие не замечают. Под Крестом Искупителя он получает повеление опекать Матерь Божию. Иоанн доживает почти до глубочайшей старости, и вообще непонятно, умер ли он. Есть предания о том, что он жив и до сих пор на земле. Андрею Юродивому в Константинополе Иоанн являлся как защитник от бесов. И в той церкви, где Андрей видел это явление, бесы страшным голосом вопили: «Идет страшный старик, и будет бить нас!». Ангелы держали падших духов, а Иоанн, имея в руках цепь, наносил им удары. И эти удары были реальны, звук их слышал Андрей. Интересно, что апостол любви, старец, который по слабости к концу жизни говорил только: «Любите друг друга», оказывается столь страшен для бесов.

Это человек с открытыми духовными глазами. Его чуткое ухо слышит нечто дивное. Ему дано столько, что он мог бы написать несколько Библий в полном объеме. Но он очень мало говорит. Это поразительная черта. И в этом Иоанн — великий пример для подражания. Знать много, говорить меньше.

Его Апокалипсис — это торжественная книга. Это оратория. Там много оркестровых тем, очень много

голосов и очень много инструментов. Сильно ошибались те, кто пытался объяснять Апокалипсис буквально и находить в нем историческую схему уже произошедшего! Это не «дорожная историческая карта». В ней нет графика исполнения событий. И все-таки это книга обо всем.

О том, как человек отвращается от Бога и обращается к Богу. Как он вразумляется казнями — и не вразумляется ими. Из нее мы узнаем о человеке много страшного и великого. Узнаем о том, каким он может быть — небожителем, живущим в содружестве святых и Ангелов — и каким может быть врагом Господним, кусающим себе язык от злости и упорно не желающим покориться Сидящему на престоле. Это Откровение не об одних лишь исторических судьбах, но и о действующем лице мировой истории — о человечестве целиком и об отдельном человеке.

Бог говорит Иоанну образами, словами и даже цифрами, которые сложно понять неподготовленным умом. «Двадцать четыре старца», «Жена, облеченная в солнце», «Агнец с семью очами», «красный дракон с семью головами», «первый зверь из моря», «второй зверь-лжепророк», «всадники на разноцветных конях», «семь труб», «семь чаш», «саранча», «семь Ангелов», «Вавилон, который одновременно и город и блудница»... Все эти числа, которыми наполнены главы Апокалипсиса: 144 тысячи, десятки, семерки, двенадцать, 24, три с половиной, 42 и, конечно же, 666... Впрочем, любую библейскую книгу невозможно понять с наскока. Некоторые книги благоразумные книжники скрывали от человека до полного совершеннолетия. Например, первые главы Бытия, Песнь песней Соломона, отдель-

ные главы Иезекииля... Без толкования, без разъяснения непонятны даже такие «простые» тексты, как «Отче наш» или «Величит душа Моя Господа».

В силу особенной таинственности, несмотря на то что Апокалипсис — это итог, цель и смысл всей жизни, и нашей, и планеты, — это единственная книга Нового Завета, которую почти не читают на богослужении. Почти. Согласно Иерусалимскому уставу, он читается на богослужениях, на всенощном бдении, между концом вечерни и шестопсалмием — при переходе к шестопсалмию, когда служба уже переходит в утреню. За год он прочитывается два с лишним раза, если читать по одной главе за всенощную.

Двадцать две коротких главы Апокалипсиса вобрали в себя всю грандиозную Библию и всю историю мира. Мы всмотримся в это Откровение и попытаемся осмыслить, к чему была вся эта история и к чему мы сами такие?

Каждая эпоха, читая Апокалипсис, находила в нем черты своего времени — и наполеоновское нашествие, и средневековые потрясения, и война Реформации против Рима. Все находят себя в этой книге, потому что мы живем в полноте времен. А полнота эта пришла уже тогда, когда звезда воссияла над Вифлеемской пещерой и в мир пришел Христос.

Потрясения апокалипсиса — те же катаклизмы, войны, смуты, эпидемии и крушения общественного строя — называют «родовыми муками нового Мира». И природа страдает, потому что стихии, напрягаясь, ускоряются. И земля мучается, нося на себе грешников. Грехи эти известны давно. Гнусное кровосмешительство, мужеложество, скотоложество. Обжорство

ненасытимое, когда люди будут съедать в четыре-пять раз больше, чем обычный человек, и не смогут наестся. Радость о зле. Ненависть к благодати. Непокорство, спесивость, гордость, невыносимая обидчивость, желание и умение мстить, злоречие, отсутствие авторитетов...

Человек сначала заражается изнутри, потом заживо гниет и мучает собою всю вселенную. И вселенная отказывается жить под властью такого господина. Назревает кризис, похожий одновременно и на смерть, и на роды. И мы надеемся, что через боль этого кризиса мы обретем выход к свету.

Глава 1

Чему надлежит быть вскоре...

Маленький Патмос иногда называют «Иерусалимом Эгейского моря». Но две тысячи лет назад это был край света, выжженный и малолюдный — место, куда ссылали преступников. Отправили сюда и любимого ученика Христа, апостола Иоанна Богослова.

Это произошло в конце I века. В Римской империи тогда шла очередная волна гонений на христиан — их винили не только в отказе поклоняться традиционным языческим богам, но и в отказе соблюдать главный культ, установившийся к тому времени по всему римскому миру: культ императора. Обожествление кесаря считалось главным свидетельством лояльности властям — правителя почитали как бога и строили в его честь храмы. Обожествленного кесаря не стыдились именовать «Кириос», то есть Господь, или «Дeus», то есть Бог.

Церковь стремительно росла на крови мучеников, а апостол Иоанн оставался последним из тех учеников, что видели живого Христа. Все остальные погибли в разных частях света.

Впрочем, нельзя сказать, что апостол Иоанн, 95-летний старец, прибыл на Патмос узником. Он был почти

свободным — да, он не мог покинуть остров, но в его пределах мог делать что угодно, и он без промедления начал проповедовать и крестить людей. Само его пребывание на острове было не ссылкой, а скорее — миссией; так и рассеяние апостолов из Иерусалима, внешне имевшее облик гонений, по сути было распространением славы Божией. Иными словами, апостолов изгнали, чтобы они благовествовали. И Иоанна сослали для того, чтобы он разбогател учениками.

Языческий Патмос, усеянный капищами самых разных богов, к концу I века утопал в дичайших суевериях и извращенных культах. Это была территория культа Артемиды-Дианы. И людей тогда на Патмосе жило в 10 (!) раз больше, чем сегодня. Имели место человеческие жертвоприношения, а верховодили тут всеильные жрецы, творившие неслыханные «чудеса».

И за несколько лет, которые провел на острове святой Иоанн Зеведеев, на Патмосе не осталось почти ни одного некрещеного человека. На набережной Скалы, нынешней столицы острова, до сих пор сохранились остатки баптистерия — купели, в которой сосланный апостол крестил островитян. Со временем крестились все — и представители власти, и жрецы, решившие отречься от прежних суеверий.

Житие Иоанна сохранило память о том, как здесь, на Патмосе, немощного старца страшились бесы, как он исцелял и посрамлял «чудеса» местных магов-жрецов, как возвращал к жизни умерших и проповедовал Христа...

По преданию, когда срок ссылки уже подходил к концу и вера утвердилась почти на всем острове,

Бартоломео Монтанья. Иоанн Богослов пишет Апокалипсис на острове Патмос. Фреска. Рим. Часовня святого Иосифа

Иоанн со своим учеником Прохором поднялся на лесистую гору в центре Патмоса, в безмолвную глушь, и остановился в небольшой пещере, где несколько недель строго постился и пребывал в молитве.

Эта пещера теперь известна под именем «Пещеры Апокалипсиса». К ней ведет старая каменистая тропа, по которой столетиями восходили паломники, и двадцать две ступени — ровно столько, сколько глав в Откровении, которое на этом месте получил Иоанн.

В этой пещере Бог открыл Иоанну хронику последних времен и цель всей истории мира: Апокалипсис, в переводе с древнегреческого — «откровение», раскрытие того, что было закрыто.

Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное через Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие, и свидетельство Иисуса Христа и что он видел (Откр. 1:1–2).

В этих словах запечатлено Откровение Божие — прямая речь Отца Небесного, данная через Его сына Иисуса Христа. Он же и говорит, зачем Он дал этот Апокалипсис. «Чтобы показать рабам своим, чему надлежит быть вскоре». Уже почти две тысячи лет назад Он сказал: надлежит быть вскоре.

В больших числах не таится смущение, ведь эти тысячи лет — как один день, и один день — как тысяча лет. Все очень подвижно. Если нам удастся быть в Духе, то мы увидим, как на ладони, прожитую жизнь, и историю мира — как быстро прокрутившуюся ки-

ноленту. Поэтому с точки зрения Бога действительно вскоре все закончится. И мы одной ногой стоим уже в этих совершившихся событиях.

Иоанн — семи церквам, находящимся в Азии: благодать вам и мир от Того, Который есть и был и грядет, и от семи духов, находящихся перед престолом Его, и от Иисуса Христа, Который есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных. Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков, аминь (Откр. 1:4–6).

В книге сказано, что Иоанн был в духе в день воскресный... (Откр. 1:10). Значит, Воскресный день, день Господа, уже тогда был фундаментом церковной молитвы, новым днем молитвенного собрания. Иоанн молился здесь именно в Воскресный день, и явление Христа было в Воскресный день. Почитание Воскресного дня — прямой путь к тому, чтобы почаще с Богом разговаривать. То, что Ему бывает не с кем поговорить — это проблема человечества. Но Он желает говорить с нами. Например, Парфений Киевский часто просил Его: «Живи во мне, живи во мне, прошу Тебя, будь во мне и живи во мне»... На что услышал голос: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6:56). Воскресная Евхаристия — новое сердце мира.

Апокалипсис — это самая литургическая книга Писания. Нам придется много раз напоминать себе

о том, что эта книга больше других говорит о литургии. О живом богоявлении и живом общении людей с Иисусом Христом.

Словосочетание «был в духе» говорит о том, что человек — трехчастен. У человека есть тело, что очевидно. У человека есть душа, оживляющая тело, бессмертная, как нам говорят и как мы это чувствуем сами. И в человеке есть высшие способности, то, что мы называем духом. Это отличает человека от всех других одушевленных, у которых духа нет. Дух есть способность души воспарять к Богу, мыслить о горнем, забывать земное. И когда он «был в духе», это значит, что он был в Духе Святом. Подобное — к подобному. От Духа Святого дается духу человеческому выйти за пределы земного, вырваться, совершить то, что, например, телесно мы делаем при помощи ракет начиная с Гагарина. Человек совершает титанические усилия, чтобы оторваться телесно от Земли — но, оказывается, можно, оторвавшись, остаться земным. А можно, никуда не отрываться, а духом видеть все, выше звезд быть. Вот Иоанн был. Дух Иоанна окрыленный. Иоанн символизируется орлом.

Похожее описывал и апостол Павел. Он был в раю и слышал неизреченные глаголы, а в теле он был или вне тела, он сам не знает (см.: 2 Кор. 12:4). Я думаю, что и Иоанн сам не знает, он был в теле или вне тела. Характерной особенностью его речи является разговор о себе в третьем лице: «тот ученик», «ученик, которого любил Иисус». На себя самого Иоанн смотрит со стороны и избегает «якать».

Голос Божий слышится внутренним человеком, а не плотским ухом. Человек есть внешний, а есть внут-

ренный, сокровенный, как в матрешке. Вот эта тайная матрешечка, самая крохотная и самая важная, и слышит голос Божий.

Ученик Иоанна Прохор в это время мог и не видеть ничего, как не видел ученик Сергия Радонежского Михей, когда к святому Сергию приходила Богородица. Когда было Ее явление, Михей просто упал и ничего не видел. А Сергей разговаривал с Девой Марией. Присутствие не обеспечивает слышания, если внутренний человек не готов.

То, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Азии: в Ефес, и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филладельфию, и в Лаодикию (Откр. 1:11).

Асия, или Азия — это запад нынешней Турции. В те далекие времена, когда создавался Апокалипсис, это была римская провинция. Семь городов, к которым пишет Иоанн, сохранились и по сей день — теперь они либо стали частью турецких поселений, либо обратились в величественные развалины неподалеку от последних.

Эфес, ныне Сельчук — бывшая вторая восточная столица Римской империи, город, где жил, проповедовал и был погребен после смерти апостол Иоанн.

Смирна — современный Измир — крупный мегаполис, третья столица Турции (ей и в Апокалипсисе был обещан «венец жизни»).

Пергам — когда-то крупнейший и богатейший город с грандиозным храмом Зевса (только его алтарь теперь посвящен огромный Пергамский музей

в Берлине). В наши дни от города остались лишь развалины на окраине турецкой Бергамы.

Фиатира, откуда родом была Лидия, первая известная христианка в Европе — тоже теперь лишь развалины вблизи турецкого Акхисара.

Сардис — когда-то богатейший город, столица огромного государства Лидия, занимавшего территорию в половину нынешней Турции. Сейчас от города сохранились только руины в 75 километрах от Измира, недалеко от городка Салихлы.

А рядом с Сардисом — небольшая Филадельфия; теперь это турецкий Алашехир.

Впечатляющими руинами осталась и Лаодикия — когда-то большой промышленный центр. Город, прочью церковь Господь скажет в Апокалипсисе: «Ты не холоден и не горяч» (Откр. 3:15–16).

Семь церквей Апокалипсиса — это и реальные церкви той поры, и сборный образ всех церквей мира во всех возможных их состояниях: от горячности и праведности до состояния упадка и утраты духовной памяти. Все амплитуды, все колебания церковной жизни представлены в этих семи церквях.

Есть также мнение, что семь церквей Апокалипсиса — это семь этапов жизни Церкви от ее основания до Второго Пришествия Христа.

По этой схеме Эфесская церковь — это время апостолов и борьбы с первыми ересями. Смирнская — эпоха гонения и преследования христиан за веру; века мучеников. Пергамская — период Вселенских Соборов и становления канона нашей веры. Фиатирская церковь, про которую Бог говорит, что «последние дела ее больше первых» (Откр. 2:19) — это эпоха распростра-

нения христианства по миру. Сардийская — это гуманизм и материализм XVI–XVIII веков, из них вышел дух бунта, который будет потом атаковать христианство по всему миру. Филадельфийская — это Церковь сегодня; пора относительного церковного благоденствия на фоне убывающей веры. А Лаодикийская — это страшный период перед концом света, когда люди будут равнодушны — «ни холодны, ни горячи».

Впрочем, эти попытки точно распределить жизнь Церкви по историческим этапам страдают натяжками. В Апокалипсисе трудно с периодизацией. Апокалипсис резко переходит из будущего в прошлое, из прошлого в настоящее. Флешбэки сменяются футурологией. Реальность ускользает от точной систематизации.

Но что совершенно точно, так это то, что в семи церквях Азии любой из нас, как в зеркале, видит сам себя. Это зеркало церковной жизни. Надо вглядываться в это зеркало, чтобы каждой общине найти себя там и покаяться, пока не поздно. А если нет, то «приду и сдвину светильник твой» (Откр. 2:5). Он же всем говорит: «Знаю твои дела». «Так говорит Держащий семь звезд в деснице своей, Ходящий посреди семи золотых светильников... знаю дела твои» (Откр. 2:1–2). Уже в первой главе Он сам поясняет, что это за семь звезд и семь светильников.

Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников есть сия: семь звезд суть Ангелы семи церквей; а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей (Откр. 1:20).